

ЕЩЕ НЕТ

ВАЛЕРИЯ КРУТОВА

Родилась в 1988 году. Получила юридическое образование, работает специалистом по информационной безопасности. Участник 18-го и 19-го Форумов молодых писателей, организованных Фондом социально-экономических и интеллектуальных программ.

Ее было несложно отличать от других. Маленький рост, скажем так, росточек. Зайдет, вприпрыжку взглядом палату обойдет, «все в порядке?» спросит и уйдет, получив пару слабых кивков от пациентов. В защитном костюме она выглядела комично, если бы это подходило ситуации, но не подходило, поэтому Амина выглядела пятилетней в мамином офисном платье-футляре. Я не видела ее лица, но могу предположить, что она симпатичная. Ковидник – место, где я могу фантазировать и выдумывать людей, не искажая этот процесс реальностью.

Мы разговорились с ней нечаянно. Амина потянулась через мою койку к подоконнику, и я предложила протереть его самостоятельно. Взяла тряпку и начала убирать свои вещи – зубную пасту и щетку, пакет с огурцами и лимоном, витамины, ноутбук с мышкой, коробку «Рафаэлло», пятьсот тенге (за воду от соседки), крем для лица, рулон туалетной бумаги, ватные диски, две бутылки минералки, мицеллярную воду, гигиеническую помаду и влажные салфетки. Все это горой лежало на кровати. Тряпка воняла хлоркой, но я и сама ею отчаянно воняла. Не страшно. Да и руки уже привыкли к бесконечному мытью и антисептике.

– Как там бабушка из шестой? Лучше ей?

Позавчера из соседней палаты в реанимацию увезли старушку, она лежала под кислородом, не вставая, и бредила. Врач сказал, что на фоне кови-

да она немного тронулась, заговаривалась, говорила о том, чего нет. Странно, как это нет – если она это видела или знала, значит, это есть. Просто мы не в курсе. Пока еще.

– Да, она уже сама дышит. Ее в другую больницу увезли.

– Здесь нет реанимации?

– Интенсивная терапия только. Тяжелых увозят сразу.

– Давно работаете тут?

– Две недели. – Амина иголкой юркала между кроватями и тумбами, протирала холодильник, раковину мыла и говорила спокойно абсолютно. – Меня подруга сюда устроила. Я в Талгаре живу, работать надо, а работы нет. А здесь ставка выше. На целых тридцать тысяч.

Талгар минутах в тридцати от Алматы. Если без пробок. Через день она мотается сюда на автобусе, чтобы получить повышенную ставку. Восемнадцать лет, на медика поступить хочет, три сестренки, мать болеет, отца нет. Поступить хочет, а учиться возможность нет – работать надо и семье помогать. Три сестры, мать, отца нет – одни женщины. Косами чернушками переплелись и охраняют свой очаг, как могут. Отца нет – огня нет, костровище в сердцах. Говорит, недавно умер. От ковида.

– Ты болела? – спросила у нее.

Я уже встала и начала протирать кровати.

– Нет еще, – спокойно еще так сказала – «еще». Говорят, что переболеют все. Нет. Заболеют все, а вот переболеет не каждый. – Вы вакцинированная?

– Да. Трижды. – И будто оправдываясь: – Третью недавно только сделала, антитела не успела выработать.

– Сейчас все болеют.

Я огляделась, мне больше нечего было протирать. Амине осталось помыть пол, вытряхнуть урну – и все, до утра уйдет. Утром придет, выгонит на кварцевание, а потом сдаст смену.

– Спасибо большое. – Я протянула ей конфету.

– Ой, и вам спасибо. – Она взяла конфету и положила на пустующую койку рядом со мной. – Сейчас домой и заберу. Вообще, нам нельзя ничего брать.

– Я никому не скажу, – улыбнулась и залезла с ногами на кровать.

Амина домыла пол и обернулась у выхода:

– Вам свет выключить?

– Да, спасибо.

Фонарь за окном освещал комнату. Стена напротив была исполосована тенями веток. Темно-серые шрамы на бледной коже. Я искала в них фигуры, лица, силуэты, так, будто бы я лежу на зеленой лужайке и на облака смотрю. Фантазирую. И реальность не вторгается. Это спасает. Я сейчас ненавижу реальность, стоны ненавижу, запахи, шипение кислородного баллона, грохот медицинской тележки, с которой санитары обход делают. На тележках пульсометры, тонометры, градусники, уколы с вороважжающим. Санитары, как проводники, в купе входят и без спроса причиняют тебе свои товары. А ты покорно ложишься, задираешь майку – около пупка синяки уже, вытягиваешь руку, израненную капельницами, тянешь палец – на левой сатурация лучше почему-то – и доверяешь им, потому что нечего больше делать здесь. Доверять и фантазировать.

Я включила музыку и начала расставлять свой нехитрый набор необходимых вещей на подоконнике. Потом открыла окно и получила морозную пощечину. Приятно до судорог, и холодно еще.

Когда я переехала в Алматы, моя работа была связана с постоянными поездками в Талгар, где живет Амина. Город поселкового типа, или наоборот, не знаю, но ехать туда зимой было, мягко говоря, неудобно. Сначала на автовокзал, оттуда попутка за сто пятьдесят тенге туда, и столько же обратно. Каждый раз было страшно, а вдруг водитель маньяк какой-нибудь. Но обходилось. Сейчас, Амина сказала, попутка стоит пятьсот тенге в одну сто-

рону. И столько же обратно. Автобусы всегда полные или всегда холодные. Или и то и другое. Но она настырно едет в ковидник, полный причины смерти ее отца. Каждый раз как напоминание, почему она вообще это делает. Почему позволяет февралю лупить ее по щекам каждое утро. Интересно, она спит в поездках или боится, как я. Я тогда постоянно хотела спать, но казалось, что закрою глаза – и у меня телефон уведут или меня саму куда-нибудь в овраг. Тарашилась на заснеженные холмы, дорогу в поземке, грязные машины, пускающие темный дым из выхлопной трубы. Частенько на перекрестке водительская дверь какой-нибудь из машин открывалась, и водитель, высунувшись по пояс, смачно харкал на дорогу. Этой прекрасной традиции не мешают даже штрафы.

Амина зашла на следующий день перед окончанием смены:

– Вы знаете, если вдруг понадобится... ну там, окна дома помыть или уборку сделать. Вы мой номер запишите, я приеду. Между сменами. Это же тоже работа.

– Ой, конечно. – Я достала телефон и записала номер, судорожно соображая, кому могу порекомендовать ее.

– Вы звоните! Спасибо!

Она ушла, а я сидела, обхватив колени, и ждала завтрак, который принесет уже другая санитарка, ее я опознать не могу, как и всех остальных. И имен у них нет. Но наверняка тоже есть холодные попутки, любимые люди, которым надо помогать, страхи, косы черные, конфеты от пациентов, надежды, планы и уверенность, что придет весна и февраль больше не будет лупить их по щекам за желание получать ставку на тридцать тысяч больше.

СИНЯЯ ПТИЦА В РОЗОВОМ ОПЕРЕНИИ

1.

Конечно, она хотела бы сейчас лежать в просторной постели, соблазнительно вытянув ноги, поглаживая длинными пальцами изгиб бедра, играла бы на нем, как на фортепьяно. И эта музыка их первого свидания звучала бы потом еще долгие годы. Но она сидела на красном диване, пыталась восстановить дыхание после слишком быстрого, слишком неожиданного долгожданного секса, обнаженная, и пальцы ее были настолько напряжены, что уже не было никакой возможности звучать ими. Игра закончилась, зато начались такие свойственные Олесе душевные терзания.

Однажды она перестала говорить о том, что ее тревожит. Это был первый шаг на пути к принятию. Она больше не делилась с подругами, не плакалась маме, даже кошке не рассказывала ничего, потому что чувствовала: стоит только выразить свою беду словами – потеряешь ее и больше никогда не смиришься с ней. Беда, облаченная в ворох одежды из голосов, домыслов и предположений, становится неприступной, непобедимой. И лишь молчание – оружие в борьбе против и беды, и самой Олеси.

Она молчала и смотрела на розовое белье, брошенное на пол. Была в этом союзе паркета и кружев какая-то магия, отсылка к яростному порыву, с которым с Олеси это белье стягивали, а теперь лежит

оно небрежной кучкой у окна, забывая, сколько денег вообще стоило. И фонарь уличный удачно освещает как раз тот паркетно-кружевной уголок.

Мужчина же, с которым Олеся несколько минут назад обзавелась двумя оргазмами и свежим неврозом, напротив, лежал вальяжно, откинувшись на диване. Рукой он держал Олеся за бедро. Удерживал будто. Будто обещал: «Переведем дух и переедем с красного дивана на белые простыни, хочешь?» Олеся не хотела.

Он давно ей нравился. Уже около года она мечтала, что вот так будет держать ее за руки или за бедро, гладить спину будет, представляла, как он ей шею сжимает ладонью, не зная, нравится ли ему это вообще. Придумывала слова, речь, признания, так и видела, как он все это своим красивым ртом произносит. Голос даже слышала. И молчала, принимала свои мечты, смирялась с их существованием. Смирялась с сосуществованием себя и этих желаний. Она даже обедала, представляя, что он сидит перед ней. За эти месяцы похудела, потому что напротив этого мужчины много есть не могла. А когда засыпала, невольно раздвигала ноги. Ей снились самые прекрасные сны. И она была счастлива.

У Олеси была девочка трех с половиной лет и муж, который недавно стал бывшим, но остался близким. Она не успела понять, в какой момент любовь и страсть к мужу стали восхищением перед его

умением быть отцом и признанием в нем родственной души. Они с мужем, словно два брата – спиной к спине, – несли дежурство, забыв про отдых и личную жизнь, воевали то с газиками, то с зубиками, то с приучением к горшку. Олеся не могла заниматься любовью с человеком, с которым разделила родительство.

Многие месяцы они пытались не обращать внимание на отсутствие влечения, списывали это на гормоны, усталость и привычку, пока однажды муж не переспал с коллегой на корпоративе. Он пришел домой пьяный, растрепанный и, по привычке, все рассказал Олеся, будто бы она не жена, а лучший друг. А Олеся, вместо боли и разочарования, ну или хотя бы обиды, почувствовала зависть.

Она требовала подробностей, пока муж не уснул посреди рассказа прямо в кресле. А утром призналась, что тоже хочет заняться настоящим сексом, а не имитировать его. Муж больше не мог ей этого предложить, тогда она предложила свободные отношения. Они оба боялись совершить ошибку. Тут вроде как семья, ребенок, кредиты совместные. А там, по отдельности, какая-то другая жизнь, они отвыкли от нее. Они выходили на свободу осторожно, как морскую воду пальцем трогали в начале лета – отдергивали ногу, озирались друг на друга, но входили. У мужа получилось нырнуть с головой, а у Олеся нет. Она так и стояла на берегу, свободная, и не решалась погрузиться полностью. А может, это сама вода ее не пускала, выталкивала на берег, стоило ей только ступить в нее. Олеся была смелой лишь в мечтах.

Мечты стали для нее отдушиной. Она включала музыку и конструировала целые жизни внутри себя. Как в компьютерной игре, она меняла внешность, социальный статус, образование, характер, даже другие эпохи пробовала. Но всегда в мечтах оставалась влюбленной и сумасшедшей, готовой на самые безрассудные поступки, на самые смелые слова. Она выбирала лучших мужчин и представляла себя лучшей. Даже когда укладывала девочку спать, она включала музыку и под каждую мелодию создавала отдельный мир, отдельного мужчину и отдельное развитие событий. В каждом мире – она была счастлива. Девочка засыпала, Олеся вслед за ней, довольная очередным признанием в любви и ощущением, что это навсегда.

Дочку Олеся никогда не называла дочкой. Девочка. Это была девочка. Любимая, окруженная вниманием и заботой, но девочка. Олеся было страшно определять словом «дочка» свое материнство, свой возраст, свое окончательное и бесповорот-

ное становление во взрослой жизни. Она несла ответственность, но не хотела ее номинировать. Она была хорошей матерью, хотя никогда не мечтала об этом.

Когда девочке исполнилось два года, Олеся и муж отдали ее в домашний детский сад. Там была чудесная женщина-воспитатель и пятеро детей. Такая мини-семья на время, когда макси-семья на работе. И Олеся вышла на работу. В первый же день, в курилке, куда она вернулась после трех лет никотинового воздержания, она встретила мужчину. Он был довольно симпатичен, высок и уверен в себе. Курил быстро и последние затяжки делал, держа сигарету большим и указательным пальцем, это демонстрировало, как он занят и востребован, даже покурить, докурить нормально нет возможности. В наклоне он тушил бычок в урне, поправлял полы пиджака или отряхивал, непонятно, и быстрым размашистым шагом уходил. Олеся переставала вдыхать в тот момент, и сигарета сама по себе тлела. Он курил неинтересно, он докуривал так, что был готовым персонажем любой из ее грез.

Олеся выяснила, где он работает, и нашла его в инстаграме. Каждое утро она просматривала его довольно скудную страницу, обновленную еще в прошлом месяце свежей фотографией, но и фото было не его – какой-то горный пейзаж. Снимков было мало, а с лицом и вовсе буквально пара штук. Но она выучила его внешность наизусть. Чуть кривые губы – это проблема прикуса. Крупный, но аккуратный нос, глаза большие и зеленые, волосы – сейчас чуть отросли, но раньше почти ежиком, шея длинная с родинкой прямо в области сонной артерии. Каждое утро она представляла, как целует эту родинку и утыкается носом в ключицу мужчины, имени которого даже знать пока не хочет. Ей снилась эта ключица, снился запах его и снилось, как она вдыхает через шею этого мужчину полностью, вбирает его и принимает в себя. В молчании ее он был цельным, настоящим, она не готова была делиться его существованием вслух. Не готова была оголять его словами, рассказами. Она смирялась с ним. И смирялась со своими мечтами, которые теперь имели только лишь его образ.

Однажды она его лайкнула нечаянно. Отбирать лайк ей показалось неудобным, поэтому она пошла и подписалась еще. Расписалась в собственном интересе. И через три минуты увидела, что и он подписался в ответ. Уснула она в тот день без грез и несчастливая.

Красный диван – торжество чужой пошлости и дурного вкуса. Олеся подозревала, что эту квартиру он снял, не жил в ней, не обживал, даже полы в ней ни разу не мыл. Она чувствовала, что эта квартира одноразовая, как и она сама. И ошибалась наверняка. Ведь мужчина, которого, кстати, звали Дима (но какая разница, если и Олеся не придавала этому значения), поменял свою небольшую однокомнатную на эту, с красным диваном, двухкомнатную, буквально перед тем, как пригласить Олеся к себе. Он каждый раз курил, думая о том, что эта изящная девочка должна будет иметь личное пространство. У него были планы на нее, и он засыпал, счастливый, с мыслями о том, как эти планы воплотятся в жизнь.

2.

Мечты, как и молчание, помогают смириться с происходящим вокруг. Но они, опять же, как и молчание, создают вокруг человека вакуум, не позволяют жизни кипеть и меняться, менять человека, причинять ему боль или радость. Человек в молчании и мечтах становится жителем другой реальности, другого, идеального для него, измерения, и других людей – настоящих – становится меньше все меньше.

Если бы тогда не светило солнце так ярко, Олеся бы точно разглядела свое предстоящее. Неминуемое. Но она зажмурилась и перебежала дорогу на красный свет, чуть не попав под колеса возмущенно гудящего автобуса. В автобусе было тринадцать мест, на них сидели люди. И еще один стоял, держался за поручни и дышал на окно, оно запотевало, тогда мужчина рисовал пальцем сердечко на стекле. Снова дышал, обводил сердечко, пока не смазал его на резком торможении. Мужчина удержался на ногах, но больно ударился о колено сидящей перед ним девушки.

– От чего вы едете? – спросил он у девушки с острыми и голыми коленями.

– Откуда? – переспросила она.

– От чего.

Она закатила глаза и отвернулась к окну. Мужчина наклонился, подышал на стекло рядом с ней и нарисовал сердечко. Девушка не удержалась и улыбнулась.

Откуда или от чего она едет, не знала. Вроде как из дома, от матери подальше. Каждое утро вставала, стараясь ее не разбудить, и бежала на остановку. Сегодня вот колготки забыла надеть и мерзла сильно. И успела бы вернуться, одеться потеплее, но знала,

что мать уже проснулась от хлопка дверью и завелась наверняка. Мужчина погрузил ее еще глубже в размышления, и девушка совсем расстроилась.

Они вышли на одной остановке и направились в одну сторону.

– Вам тут нравится? – спросил он, имея в виду район, наверное.

Они шли по серой улице – серые дома, асфальт чуть темнее оттенком, лавочки светло-серые, урны тоже, еще и грязные. Вывеска только одна на улице, и та серая. Но солнце светило так ярко, что все это искрилось.

– Нет, мне тут совсем не нравится. – Она поморщилась, имея в виду весь этот мир и свою жизнь вместе с ним.

Они прошли вдоль серого дома вместе, потом оказались во дворе и замедлили шаг у одного подъезда. Девушка с голыми коленками нерешительно глянула на мужчину, он ее немного пугал даже. Мужчина с тревогой смотрел на нее и чувствовал, что пугает ее. «Мне туда», – кивнул он в сторону подъезда. И она кивнула на входную дверь: «Мне тоже туда».

Они поднялись на один этаж. И снова остановились. «Мне туда», – девушка показала на обитую коричневым дверь. «А мне – туда», – он показал на противоположную. И они оба облегченно выдохнули. Девушка позвонила в свою дверь, а мужчина достал ключ от своей, но подождал, пока не откроют противоположную.

– Светланочка! Здравствуйте! – На лестничную клетку пахло тушеной картошкой с мясом.

– Здравствуйте. – Девушка вошла в коридор, и коленкам однозначно стало теплее.

Мужчина вошел в свою квартиру и запер дверь. Минут семь он стоял в прихожей, почему-то не желая заходить, а потом услышал звуки скрипки из квартиры напротив.

Здесь ему нужно было дожить до конца месяца, и сама эта мысль ужасно раздражала. Как и диван красный раздражал, как и розовое белье у окна, которое уже неделю лежало, а он брезговал к нему притронуться. На кухне кофеварка, и он решил, что самое время для кофе. Пока засыпал зерна, пока молот, пока варил, в душ сходил еще, проверил холодильник – час где-то прошел. И вот только налил себе кофе, нарезал колбасы и хлеба, как в дверь позвонили. Он открыл.

– Извините, вы тут живете, да? – спросила девушка с голыми коленками.

– Снимаю, да, – зачем-то обозначил он.

– А тут две комнаты?

– Ну да, две.

